

Цзянь Хаои сразу почувствовал себя озадаченным. Он с досадой вздохнул. Даже обращение к себе изменилось — это явно было намеренным желанием отдалиться. Цзянь Хаои знал, что его новая наложница в лагере использует псевдоним Бай Юэцзэ. Когда он впервые увидел эти три иероглифа, то подумал, что этот человек, должно быть, недоволен и хочет сравниться с Цзы Юэ, поэтому выбрал псевдоним с иероглифом «Юэ». Но теперь стало ясно, что Бай Юэцзэ больше похож на второе имя Бай Ицзэ — ведь именно Бай Ицзэ был наложницей четвёртого принца государства Лян, а Бай Юэцзэ — всего лишь обычным новобранцем в главном западном лагере Лян.

Цзянь Хаои смотрел на удаляющуюся фигуру Бай Юэцзэ, и в его сердце неожиданно возникли чувства одиночества, тоски и тревоги. Этот человек уже больше месяца был в лагере, как он всё ещё мог так сильно страдать от акклиматизации? Неужели он действительно заболел?... Цзянь Хаои, думая об этом, невольно сделал несколько шагов, медленно следуя за ним. Однако он не успел пройти и нескольких шагов, как увидел, что Бай Юэцзэ остановился впереди, одной рукой прижимая живот, а другой поддерживая грудь, словно снова собирался стошнить.

Цзянь Хаои сильно испугался. Он быстро подошёл к Бай Юэцзэ, поддерживая его тело и позволяя ему опереться на себя:

— Ты явно болен, я отведу тебя к врачу!

— Нет... это не серьёзно... Возможно, я просто съел что-то не то, и это вызвало расстройство желудка. Если это станет известно, станет поводом для насмешек...

Бай Юэцзэ полностью сдался. Если желудочные спазмы будут мучить его всю ночь, лучше уж получить удар мечом, чем терпеть это. Сейчас он только хотел поскорее избавиться от этого деревянного идиота рядом и отправиться в Иллюзорные земли Великой Пустоты, чтобы спросить у всех, что происходит.

— Съел что-то не то? — Цзянь Хаои не подумал об этом. Непрекращающаяся рвота и слабость действительно напоминали симптомы, которые иногда возникали у солдат во время долгих маршей. Подумав об этом, Цзянь Хаои сразу придумал план.

— Пока не возвращайся в лагерь, жди меня здесь! — Цзянь Хаои снова усадил Бай Юэцзэ под дерево, предупредил:

— Я скоро вернусь, будь осторожен, чтобы тебя не заметили патрульные.

Бай Юэцзэ с недоумением смотрел на него, но Цзянь Хаои настаивал, и у него не было возможности сразу уйти, поэтому он просто позволил ему действовать. Цзянь Хаои сделал несколько шагов, затем, подумав, вернулся, снял свой плащ и накинул его на Бай Юэцзэ, после чего спокойно ушёл.

Бай Юэцзэ, закутавшись в плащ Цзянь Хаои, задумался, а его лицо слегка покраснело.

Примерно через четверть часа Цзянь Хаои вернулся с шумом. В подоле его одежды что-то было аккуратно завязано и спрятано за поясом.

Цзянь Хаои, держа что-то в подоле, подошёл к дереву, но, осмотревшись, не увидел Бай Юэцзэ, и сразу поник, словно подмороженный баклажан.

Бай Юэцзэ сидел на ветке, наблюдая, как Цзянь Хаои, полный энтузиазма, пришёл, а затем погрузился в уныние. Это было забавно. Он снял свою ленту для волос и бросил её в лицо

человеку под деревом. Циянь Хаои почувствовал движение над своей головой, ловко поймал ленту и, подняв голову, увидел смеющегося юношу в белом, который сидел на ветке, окружённый пятнами лунного света. Его чёрные волосы струились, как водопад, глаза были узкими и длинными, а кожа, освещённая лунным светом, казалась белой, как нефрит, а глаза — глубокими, как ночное небо. Он был прекрасен, как небесный дух. Циянь Хаои затаил дыхание, его сердце пропустило удар.

— Чего застыл? Хочешь привлечь внимание патрульных? — Бай Юэцзэ, опираясь на ствол дерева, легко дышал, его голос был полон смеха, и, похоже, ему стало гораздо лучше.

Циянь Хаои наконец опомнился. Он упёрся руками в ствол дерева и взобрался наверх, сев рядом с Бай Юэцзэ. Только усевшись, он тут же развязал подол своей одежды, показав кучу тёмно-красных ягод. Взяв одну из них, он сказал:

— Это дикий ююба из гор, он лучше всего помогает при расстройстве желудка и спазмах. Когда я был в походах, солдаты, страдающие от желудочных проблем, всегда использовали его. Попробуй...

Бай Юэцзэ посмотрел на ягоду при лунном свете, слегка улыбнулся и, держась за руку Циянь Хаои, положил ягоду в рот.

Ягода дикого ююба была маленькой, но косточка внутри была большой. Бай Юэцзэ, жуя немного мякоти, почувствовал, как приятная кислота, смешанная со сладостью, заполнила весь рот. Это ощущение спустилось по горлу вниз, и желудочные спазмы мгновенно утихли. Бай Юэцзэ с облегчением вздохнул, почувствовав, будто заново родился.

Съев одну ягоду, Бай Юэцзэ снова посмотрел на те, что лежали в подоле Циянь Хаои. Под возглас удивления Циянь Хаои он схватил сразу четыре или пять маленьких ягод дикого ююба и бросил их в рот, после чего с удовлетворением вздохнул. Эти маленькие ягоды оказались гораздо эффективнее, чем любое лекарство.

— Эти ягоды настолько кислые, что могут выбить зубы, как ты можешь есть их так много? Ты не только не облегчишь своё состояние, но ещё и повредишь желудок! — Циянь Хаои не знал, смеяться или плакать, но человек рядом с ним с удовольствием жевал, совершенно не обращая внимания на его слова.

Бай Юэцзэ, глядя на Циянь Хаои, с улыбкой схватил ещё несколько ягод и бросил их в рот, смотря на него с долей насмешки.

— Нельзя есть так много, эти ягоды — лекарство, завтра у тебя будут болеть зубы, и ты не сможешь жаловаться... — Циянь Хаои поспешно прикрыл оставшиеся ягоды, боясь, что Бай Юэцзэ снова возьмёт их:

— Они все твои, никто не будет с тобой соперничать, ты не должен...

Оставшаяся часть фразы застряла у Циянь Хаои в горле, потому что Бай Юэцзэ внезапно оказался очень близко к нему, почти лицом к лицу, так что они могли чувствовать дыхание друг друга. Циянь Хаои почувствовал, как глаза этого человека стали чёрными, как глубокий горный омут, бездонными и непроницаемыми. Его сердце забило чаще, тело напряглось. Бай Юэцзэ улыбнулся, а затем внезапно поцеловал Циянь Хаои в губы, и... две разжёванные ягоды были переданы ему...

Циянь Хаои от кислого вкуса мгновенно зажмурился, крепко ухватившись за ветку, чтобы не

упасть с дерева. Бай Юэцзэ смеялся с торжеством и безудержно, вся ветка дрожала, а Циянь Хаои выглядел крайне неловко.

В эту ночь Бай Юэцзэ спал крепко, обняв пакет с тёмно-красными ягодами, и видел сладкие сны. Циянь Хаои же не мог уснуть, ворочаясь до самого утра, проведя ночь без сна.

На следующий день начались соревнования для выбора тысячника. Они были разделены на три дня.

В первой половине дня первого дня проходили состязания в рукопашном бою на земле. Участники могли использовать любое оружие или сражаться голыми руками. Проигравшим считался тот, кто упал на землю. Победитель определялся по результатам двух из трёх раундов. Место для боя было ограничено кругом диаметром менее одного чжана. Выход за пределы круга также считался поражением, и проигравший выбывал. Во второй половине дня проходили соревнования по стрельбе из лука на лошади. Десять мишеней были расставлены вокруг тренировочного поля. Участники должны были проехать на лошади вокруг поля, стреляя из лука. Победителем становился тот, кто набрал больше всего очков, и выбирались двенадцать лучших.

На второй день оставшиеся двенадцать человек участвовали в поединках на лошадях. Пары определялись жеребьёвкой, и проигравший выбывал.

Тема третьего дня была неизвестна. Она всегда определялась высшим командиром, ответственным за набор новобранцев, и объявлялась непосредственно перед состязанием. В этот день выбирались два или три победителя, которые сразу становились тысячниками.

В лагере новобранцев главного западного лагеря Лян было более сорока сотников. Около пятидесяти человек боролись за два или три места, что делало соревнования крайне напряжёнными. Накануне соревнований в палатках сотников царили разные настроения: кто-то был полон энтузиазма, а кто-то — тревожен. Бай Юэцзэ и Хэлу жили в одной палатке, и, видя, что оба они сохраняют спокойствие, они невольно прониклись уважением друг к другу.

В первый день соревнований на тренировочном поле были нарисованы более десяти белых кругов, и вокруг каждого места для боя собрались толпы новобранцев. Во время состязаний сотников обычные новобранцы отдыхали, и все, кто не участвовал в тренировках, собрались вокруг площадок, чтобы подбадривать участников.

Циянь Хаои и несколько генералов сидели на возвышении, откуда было видно всё, что происходило на более чем десяти площадках. С глухим звуком рога шум на поле сразу стих, и более десяти судей заняли свои места. Циянь Хаои взмахнул флагом, и соревнования официально начались.

[Примечания автора отсутствуют]

<http://bllate.org/book/17679/1648059>